

Глава I. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

1. Международное и внутригосударственное право — взаимосвязанные системы права

Становление и развитие принципов и норм международного права в сфере прав человека с неизбежностью ставит вопрос об их соотношении с внутригосударственным законодательством. Он решается в зависимости от того, что представляет собой международное право в целом на определенном этапе своего развития и каково отношение к нему различных субъектов права.

Международное право и внутригосударственное постоянно развиваются, изменяются их принципы и нормы, объекты и методы правового регулирования, сфера действия, субъекты. Все это влияет на характер взаимодействия международного и внутригосударственного права и превращает вопрос об их соотношении в целом и в области прав человека в частности в острейшую теоретическую и практическую проблему. Особенно возрастает интерес к ней в связи с окончанием «холодной войны» и интенсификацией международных связей, углублением процессов интернационализации жизни народов, экономической и в определенной степени политической интеграцией, повышением роли человеческого фактора в международных отношениях.

В доктрине международного права существуют разные точки зрения относительно соотношения международного и внутригосударственного права. Одни ученые придерживаются дуалистической концепции, другие — монистической. Суть дуализма состоит в том, что международное право и внутригосударственное рассматриваются как различные, но взаимосвязанные между собой системы. Сначала дуалистическая концепция подчеркивала не столько связь между этими системами права, сколько их различия и независимость. Виднейшие представители этого направления заявляли, что международное право и внутригосударственное право представляют собой отдельные отрасли права, которые хотя и никогда не пересекаются, но в той или иной степени вза-

имоделят¹. Современные юристы-международники, сторонники дуалистической концепции, подчеркивая разделение правовых систем на международное и внутригосударственное право, признают их более тесную связь и взаимодействие².

Сторонники монистического направления также не отличались единством взглядов. Одни из них исходили из примата внутригосударственного права, другие — из верховенства международного права.

Теория примата внутригосударственного права имела сторонников главным образом среди немецких ученых второй половины XIX — начала XX в. Они находились под влиянием Гегеля, который считал, что национальное государство «есть абсолютная власть на земле» и эта власть может изменять по своей воле не только внутригосударственное, но и международное право³. Эти взгляды широко использовались для оправдания тоталитаризма и фашизма, необузданного произвола в международных отношениях.

В настоящее время подавляющее большинство сторонников теории монизма придерживаются мнения о верховенстве международного права над внутригосударственным. В современных международных отношениях признание рядом ученых этого верховенства связано с выдвижением ими идеи полного отказа от государственного суверенитета и создания мирового государства и мирового права. Если раньше мировое государство и право рассматривались как панацея от войны, то ныне эта идея выдвигается в целях обеспечения «человеческого достоинства» и защиты прав человека.

Так, американские ученые М. Макдугал и М. Райзман пишут, что в результате научно-технического прогресса человечество движется к более тесным и интенсивным связям. Государства все еще остаются на мировой арене, но растет роль и влияние правительственных и неправительственных организаций. При этом главными действующими лицами на международной арене становятся физические лица. В этих условиях, по мнению американских ученых, необходимо создать мировое государство, которое будет преследовать двоякую цель: образование всеобщего правопорядка для обеспечения прав человека и пресечение попыток создания мирового тоталитарного государства⁴. М. Макдугал и М. Райзман верно подметили тенденции развития мирового сообщества. Однако создание мирового права и государства абсолютно нереально в современных международных отношениях вслед-

¹ *Triepel H. Völkerrecht und Landesrecht. Leipzig, 1899. S. 111; Анцилотти Д. Курс международного права. М., 1961. Т. 1. С. 66.*

² *См.: Броунли Я. Международное право. М., 1977. Кн. 1. С. 67; Henkin L. International Law: Politics, Values and Functions//Res. cours. 1989 Т. 216. Dordrecht, 1990. P. 89—93*

³ *См.: Гегель. Соч. М.; Л.; 1934. Т. 7. С. 349.*

⁴ *McDougal M., Reisman M. International Law in Policy Oriented Perspective//The Structure and Process of International Law: Essays in Legal Philosophy, Doctrine and Theory The Hague, 1983. P. 103—129.*

ствие политических, экономических и иных причин. Особо следует отметить, что многие государства мира все еще абсолютизируют государственный суверенитет и значение принципа невмешательства.

Большинство современных юристов-международников, включая российских ученых, придерживаются дуалистической теории, отмечая, что хотя международное право и внутригосударственное право представляют собой две самостоятельные правовые системы, но они тесно связаны между собой и оказывают непосредственное влияние друг на друга⁵.

Распад СССР, изменение внешнеполитического курса России и проводимые в стране реформы вызвали определенные изменения взглядов ряда российских ученых и государственных деятелей в отношении концепции соотношения международного и внутригосударственного права. Россия ныне выступает за примат права в политике и международного права над внутригосударственным. Некоторые ученые, ранее отстаивавшие дуалистическую концепцию, выступают за примат международного права над внутригосударственным, считая необходимым конституционно закрепить это положение и признавать его в правоприменительной практике⁶.

Тенденция к признанию концепции монизма наблюдается и среди ряда западных юристов-международников. Так, известный американский профессор Л. Хенкин считает, что «международная система, являясь в основном дуалистической, на практике медленно движется по направлению к монизму»⁷.

Эта концепция не разделяется государственными деятелями и юристами ряда стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые абсолютизируют роль государственного суверенитета и все еще считают, что регулирование прав человека относится исключительно к внутренней компетенции государств⁸. Большинство из них поддерживают концепцию верховенства внутригосударственного права над международным.

Различные взгляды на соотношение международного и внутригосударственного права особенно ярко проявляются при обсуждении вопроса о правах человека и внутренней компетенции государств. Позиции государств в этом отношении, как и мнения ученых, не остаются неизменными и во многом определяются тенденциями развития международных отношений.

⁵ См., напр.: Тункин Г. Предисловие к книге А. Фердросса «Международное право». М., 1959. С. 15; Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права. М., 1982. С. 6—20; Курс международного права. В 7 т. М., 1989. Т. 1. С. 272—286.

⁶ См.: Верещетин В., Даниленко Г., Мюллерсон Р. Конституционная реформа в СССР и международное право // Сов. государство и право. 1990. № 5. С. 13—22.

⁷ Henkin L. Op. cit. P. 88—104.

⁸ World Conference: Third Preparatory meeting ends in failure (Geneva, 14—18 Sept. 1992) // Human Rights Monitor. 1992. N 17—18. Sept. P. 25—28.

После принятия Устава ООН многие советские и иностранные юристы-международники считали, что регулирование прав человека — внутреннее дело государств, а не дело международного сообщества⁹. Более того, США в своих официальных заявлениях отвергали юридическую обязанность государств в соответствии с Уставом ООН гарантировать соблюдение определенных прав и свобод человека без различия расы, пола, языка и религии¹⁰.

Советский Союз, признавая юридическую обязательность положений Устава ООН, абсолютизировал понятие государственного суверенитета и считал, что регулирование прав человека полностью относится к внутренней компетенции государств. СССР занимал по этому вопросу непримиримую позицию, что явилось одной из основных причин того, что он 10 декабря 1948 г. воздержался при принятии Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека¹¹.

Границы внутренней юрисдикции государств не остаются неизменными, они исторически подвижны. Государства сами устанавливают пределы ограничений, подвергая международно-правовому регулированию те или иные вопросы внутrigосударственных отношений. Поэтому после принятия ООН Пактов о правах человека и других международных соглашений в этой области и их ратификации большинством стран — членов ООН нельзя согласиться с утверждением о том, что вопрос о правах человека входит во внутреннюю компетенцию государств. Однако и сегодня все еще широко распространена точка зрения, согласно которой только массовые и грубые нарушения прав человека, являющиеся международными преступлениями, не входят во внутреннюю компетенцию государств. Если же речь идет не о подобных массовых нарушениях, то, как считают многие ученые, обеспечение и защита прав человека относятся к числу дел, входящих во внутреннюю юрисдикцию государства¹².

Эта точка зрения отставалась и некоторыми странами во время подготовки и проведения Всемирной конференции ООН по правам человека в Вене в июне 1993 г.¹³ Однако с подобными утверждениями нельзя согласиться.

⁹ См. *Оппенгейм Л. Международное право* М., 1949 Т. 1 п/т 2 С. 206, *Хайд Ч. Международное право, его понимание и применение* Соединенными Штатами Америки М., 1950 Т. 1 С. 349; *Крылов С. Б. История создания Организации Объединенных Наций* 2-е изд. М., 1960 С. 155, *Тункин Г. И. Теория международного права* М., 1970 С. 93.

¹⁰ Заявление Государственного департамента США см. *Lauterpacht H. International Law and Human Rights* L., 1950 P. 149.

¹¹ См. *Вышинский А. Я. О проекте декларации прав человека* Речь на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г. // *Вышинский А. Я. Вопросы международного права и международной политики* М., 1951 С. 379—390.

¹² См. *Курс международного права* В 7 т. Т. 1 С. 287—289, *Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность* М., 1991 С. 13—26.

¹³ *Human Rights Monitor* 1993 May N 21 P. 1—27.

Еще Устав ООН закрепил принцип уважения прав человека и обязал государства соблюдать основные права и свободы. В этом основополагающем международном договоре предусмотрено, что член Организации, систематически нарушающий принципы, содержащиеся в Уставе ООН, «может быть исключен из Организации» (ст. 6).

Ныне нормы международного права не только обязывают государства обеспечить закрепленные в международных соглашениях основные права и свободы человека, но и предоставляют индивиду право требовать от государства выполнения его международных обязательств. При этом такие требования могут быть предметом как внутреннего, так и международного разбирательства, которое предусмотрено и на универсальном уровне (например, в Комитете по правам человека), и в региональных организациях (например, в Европейской комиссии по правам человека и в Европейском суде). Более того, различные главные и вспомогательные органы ООН на своих заседаниях неоднократно рассматривали и продолжают рассматривать нарушения прав человека

Еще в 1948 г. по инициативе Чили в повестку дня Генеральной Ассамблеи был включен вопрос о нарушении прав человека в Советском Союзе. Делегация Чили считала, что действия СССР, запрещающего своим гражданам, выходящим замуж за иностранцев, покидать страну, являются нарушением основных прав и свобод человека, закрепленных в международных документах. Возражая против включения этого вопроса в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН и его последующего обсуждения, СССР ссылался на п. 7 ст. 2 Устава ООН, запрещающий Организации и ее членам вмешиваться во внутреннюю компетенцию других государств. Однако Генеральная Ассамблея подавляющим большинством голосов отвергла этот довод и в принятой 25 апреля 1949 г. резолюции, ссылаясь на преамбулу и ст. 1 и 55 Устава ООН, а также Всеобщую декларацию прав человека, призвала Советский Союз отменить свою дискриминационную практику¹⁴.

В последующие годы Генеральная Ассамблея ООН, Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС), Комиссия по правам человека и другие главные и вспомогательные органы ООН неоднократно осуждали нарушения прав человека в Чили, Южной Африке, Болгарии, Венгрии, Чехословакии и других странах¹⁵. В настоящее время ООН и контрольные органы, созданные на основании международных конвенций по правам человека, все больше внимания уделяют вопросам рассмотрения конкретных нарушений прав отдельных лиц¹⁶.

Развитие современных международных отношений явно свидетельствует о том, что внутригосударственные отношения в области прав человека стали непосредственным объектом междуна-

¹⁴ *Lauterpacht H* Op cit P 203—205

¹⁵ *Ibid* P 166—220

¹⁶ См. гл II и III настоящей работы

родно-правового регулирования. Это регулирование, особенно в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), охватывает многие новые аспекты этих отношений, и государства берут на себя конкретные юридические обязательства по обеспечению основных прав и свобод человека.

На Московском совещании 1991 г. Конференции по человеческому измерению СБСЕ государства-участники заявили, что права человека являются «непосредственной и законной заботой всех участвующих государств и не относятся исключительно к внутренней компетенции заинтересованного государства». Все государства обязаны соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права, в том числе и по правам человека, а также свои международные обязательства в этой области.

Тенденции развития международного сотрудничества в рассматриваемой сфере свидетельствуют о все большем признании примата международного права над внутригосударственным. Более того, международное право в настоящее время вторглось даже в такую деликатную область, как регулирование выполнения государствами ряда конкретных международных обязательств по правам человека (например, проведение выборов через регулярные интервалы времени, тайным голосованием, на многопартийной основе, с участием иностранных наблюдателей и т. п.).

Однако следует признать, что многие вопросы регулирования прав и свобод человека все еще остаются в сфере внутренней компетенции каждого государства, которое самостоятельно, с учетом взятых на себя международных обязательств определяет время, последовательность и конкретный способ их выполнения. Эти вопросы решаются в зависимости от соотношения различных политических сил внутри страны, их позиций, а также от других факторов, а не только от существующих международных договоренностей. Все это отражается во внутригосударственном законодательстве, которое определяет, каким образом и в каком объеме государство будет выполнять взятые на себя международные обязательства. Этот процесс в последние годы развивается путем включения международных обязательств непосредственно в законодательство различных стран мира, что особенно характерно для прав человека. Ни одно государство не в состоянии выполнить свои международные обязательства по правам человека, если оно не придет в соответствие с ними свое конституционное и отраслевое законодательство.

Многие международные соглашения прямо обязывают государства сделать это. Так, п. 2 ст. 2 Пакта о гражданских и политических правах предусматривает, что каждый участник этого соглашения примет такие законодательные и иные меры в соответствии со своими конституционными процедурами, которые могут оказаться необходимыми для осуществления признаваемых в Пакте прав.

Более того, ряд международных договоров по правам человека даже определяет содержание отдельных норм и уголовную от-

ветственности индивидов за их нарушение. Так, Конвенция ООН 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него определяет геноцид как преступление, «которое нарушает нормы международного права и против которого они (государства. — В. К.) обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение» (ст. 1). Аналогичным образом Международная конвенция ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. обязывает участников объявить «караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательство к таким актам...» (п. «а» ст. 4).

Подобные тенденции получили особое развитие в последние годы. В принятом в 1991 г. Комиссией международного права ООН проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества даются определение и перечень преступлений, за совершение которых их организаторы и исполнители несут уголовную ответственность¹⁷. Конкретные сроки такой ответственности должны определяться законодательством каждого государства.

Юридические системы различных стран мира по-разному решают вопросы инкорпорации международного права во внутригосударственное. Причем государства обычно не придерживаются чисто монистического или дуалистического подхода к решению этого вопроса. Их подход зависит от множества причин и определяется политической и юридической идеологией, особенностями исторического развития, уровнем экономики, отношением к конституционному и отраслевому законодательству и т. д.

При выполнении своих международных обязательств каждое государство должно дать ответ на следующие вопросы:

1. Было ли международное право инкорпорировано во внутригосударственное и стало ли оно его неотъемлемой частью? При этом с точки зрения международного права не имеет значения, каким образом его нормы были инкорпорированы во внутригосударственное право. Главное — конечный результат¹⁸.

2. Инкорпорировано ли международное право полностью или частично? Ярким примером частичной инкорпорации была ст. 32 Конституции РСФСР 1978 г., которая гласила: «Общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека имеют преимущество перед законами Российской Федерации и непосредственно порождают права и обязанности граждан Российской Федерации». Иная формулировка, свидетельствующая о полной инкорпорации, содержится в ст. 55 Конституции Фран-

¹⁷ Doc A/CN.4/L.464/Add 4 1991 15 July

¹⁸ О различных формах инкорпорации см.: Блищенко И. П. Международное и внутригосударственное право М., 1960. С. 199; Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права. М., 1974 С. 247; Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права С. 56—74; Черниченко С. В. Личность и международное право М., 1974 С. 36—55; Курс международного права В 7 т. Т. 1. С. 292—303.

ции: «Договоры или соглашения имеют силу, превышающую силу внутренних законов, с момента опубликования...» Конституция России 1993 г. также признала, что общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы и имеют приоритет над государственными законами (п. 4 ст. 15).

3. Являются ли международные соглашения самоисполнимыми, т. е. выражены ли их положения в такой ясной и четкой форме, что не требуют для своего исполнения издания соответствующих внутригосударственных актов, или нет?

4. Будут ли национальные суды на всех уровнях рассматривать дела на основании не только внутреннего, но и международного права?

5. Какое место занимает международное право в иерархической системе национального права, т. е. каким образом будут решаться противоречия между нормами международного права и конституцией страны, а также федеральными и местными законами?

6. Соблюдаются ли в равной степени в правоприменительной практике государства международные договоры и обычные нормы?

Эти вопросы в практике различных стран решаются по-разному. В российской литературе по международному праву высказывается точка зрения, что ведущие западные страны, включая США, придерживаются монистической концепции как в теории, так и на практике¹⁹. Пункт 2 ст. VI Конституции США гласит: «Настоящая Конституция и законы Соединенных Штатов, принимаемые во исполнение ее, равно как и все договоры, которые заключены или будут заключены от имени Соединенных Штатов, являются верховным правом страны; и судьи в каждом штате обязаны следовать таковому праву, что бы ему ни противоречило в Конституции или законах любого штата». Эта статья трактуется некоторыми учеными и государственными деятелями как выражение примата международного права. В действительности же в ст. VI Конституции США речь идет о верховенстве международных договоров по отношению к конституциям и законам штатов, а не к федеральному законодательству и Конституции страны. Из текста Конституции следует, что законодатель хотел лишь поставить международные договоры в равное положение с федеральными законами и Конституцией США. Но из данной статьи нельзя сделать вывод о приоритете международного права по отношению к Конституции страны и федеральному законодательству. Судебная же практика США по этому вопросу довольно противоречива и не отвечает однозначно на вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права.

¹⁹ См.: Черниченко С. В. Личность и международное право. С. 37—38; Верещетин В. С., Даниленко Г. М., Мюллерсон Р. А. Указ. соч. С. 14—16.

Верховный суд США в своих решениях неоднократно отмечал, что международные договоры не должны применяться судами или исполнительной властью, если они противоречат Конституции страны. В настоящее время это толкование не подвергается сомнению в США и считается общепризнанным, что Конституция имеет преимущественную силу над договорами и обычными нормами международного права²⁰. Что же касается международного договора и федерального законодательства, то в случае конфликта между ними обычно ссылаются на принцип *lex posterior derogat priori* (более поздний закон отменяет ранее принятый). Однако в своей практической деятельности американские суды не всегда следуют этому принципу и часто исходят из того, что не только Конституция страны, но и федеральные законы лучше защищают права человека, чем международные нормы²¹.

Признавая за международными договорами силу закона в соответствии с Конституцией, американские суды тем не менее в своей практике применяют только так называемые самоисполнимые договоры. Для определения того, является ли международный договор самоисполнимым, американские суды анализируют заявления президента при заключении международных договоров и представлении их в Сенат для одобрения, мнение Сената и т. п.

Судебная практика в этом отношении довольно противоречива. Так, ст. 43 и 45 гл. VII Устава ООН («Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии») рассматриваются судами США как несамоисполнимые. В то же время такие статьи Устава ООН, как ст. 25 (об обязанности членов ООН подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их), ст. 105 (о привилегиях и иммунитетах ООН), рассматриваются как самоисполнимые²².

Особенно интересна позиция США в отношении ст. 55 и 56 Устава ООН, касающихся обязанности государств соблюдать основные права и свободы человека.

В 1950 г. один из американских судов при рассмотрении дела «Сей Фуджи против штата Калифорния» признал незаконность дискриминационного законодательства штата, ссылаясь на Устав ООН и Всеобщую декларацию прав человека. Это решение калифорнийского суда вызвало тревогу у американских законодателей. Сенатор штата Огайо У. Бриккер предостерег Сенат, что если положения Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека будут признаваться американскими судами, то «тысячи федеральных и штатных законов автоматически будут признаны недействительными»²³.

Обеспокоенный этим решением суда, У. Бриккер, опираясь на поддержку 58 сенаторов, предложил в 1952 г. поправку к Консти-

²⁰ *Henkin L. Op. cit. P. 96.*

²¹ *Newman F., Weissbrodt D. International Human Rights: Law, Policy and Process. Cincinnati, 1990. P. 569—578.*

²² *Ibid. P. 580.*

²³ *Congressional Records. Wash., 1952. Vol. 98. P. 911.*

туции страны, согласно которой ни один международный договор, заключенный США, не будет иметь преимущественную силу над внутригосударственными законами, если только конгресс не решит иначе. При обсуждении этой поправки Юридической комиссией Сената государственный секретарь Дж. Даллес от имени администрации президента США заверил, что США не станут участниками ни одного международного соглашения по правам человека, которое налагает на них юридические обязательства в отношении собственных граждан и имеет целью содействовать внутренним социальным изменениям. «Международные договоры, — заявил он, характеризуют позицию страны, — это сделки с иностранными правительствами, заключенные для обеспечения интересов нашего государства и гарантирующие, что другие державы будут действовать таким образом, который дает преимущество нам»²⁴.

За прошедшие после этого заявления годы позиция США в значительной степени изменилась. Признавая обязательную силу постановлений Устава ООН, США и сегодня воспринимают с оговорками ст. 27 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров о том, что государства не могут ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения взятых на себя международных обязательств. Таких оговорок обычно две. Во-первых, американские суды не признают международные обязательства, взятые США, если они противоречат Конституции страны. Во-вторых, международные договоры применяются ими только в том случае, если являются самоисполнимыми. При подписании и ратификации международных соглашений по правам человека США обычно делают оговорки, не признавая их нормы самоисполнимыми²⁵. После многих лет ожидания американский Сенат в 1991 г. ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах, признав, однако, его статьи, содержащие перечень основных прав и свобод человека, несамоисполнимыми. В настоящее время в Сенате США находится ряд международных соглашений по правам человека, и все они представлены с оговорками относительно их несамоисполнимого характера. В целом же политика США в этой области, по словам американских ученых Т. Бургенталя и Дж. Торней, может быть наилучшим образом охарактеризована как «клубок противоречий, обусловленных зачастую несовместимыми соображениями внутренней и внешней политики»²⁶.

Для такой характеристики есть серьезные основания. В 1988 г. Верховный суд США при рассмотрении дела «Томсон против штата Оклахома» пятью голосами судей против четырех вынес решение о том, что смертный приговор в отношении 15-летнего

²⁴ Цит. по: *Moskovits H. Human Rights and World Order*. N. Y., 1958. P. 179

²⁵ U. S. Ratification of the Human Rights Treaties. With or without Reservations? Virginia, 1981.

²⁶ *Burgenthal T., Torney I. International Human Rights and International Education*. Wash., 1976. P. 87.

юноши является жестоким и бесчеловечным наказанием. При этом ссылки были сделаны не только на Конституцию страны, но и на такие международные соглашения, подписанные или ратифицированные США, как Пакт о гражданских и политических правах, Межамериканская конвенция по правам человека и Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны. Характерно, что судья Скалиа, возражая против такого решения, заявил, что международные нормы никогда не должны применяться в противовес Конституции страны²⁷.

В следующем, 1989 году Верховный суд США при рассмотрении дела «Стандфорд против штата Кентукки» большинством в один голос (пять судей против четырех) пришел к решению, что вынесение смертного приговора несовершеннолетнему не представляет собой жестокого или бесчеловечного наказания. Судья Скалиа от имени большинства судей отверг ссылку меньшинства на международные соглашения по правам человека и на восьмую поправку к Конституции страны, запрещающие жестокое и бесчеловечное наказание²⁸.

На практике американские суды применяют не только международные договорные нормы, но в ряде случаев и обычаи. В международном праве договорная и обычная нормы имеют одинаковую силу. Однако американские суды так не считают. Когда суд приходит к выводу, что обычная норма противоречит федеральному закону, не говоря уже о Конституции страны, он отдает предпочтение законодательству страны²⁹. При решении вопроса о применении международного обычая суды прежде всего определяют, стал ли этот обычай свидетельством всеобщей практики государств и превратился ли он таким образом в обязательную норму международного права. Если дается утвердительный ответ, то затем решается вопрос о том, является ли такая норма самоисполнимой.

В ряде своих решений, вынесенных в начале 80-х годов, еще до ратификации США Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, американские суды основывали свои приговоры в отношении запрещения пыток на Всеобщей декларации прав человека и Декларации против пыток, как выражающих обычные нормы, признаваемые международным сообществом³⁰.

Американская судебная практика, труды ученых и высказывания государственных деятелей свидетельствуют о том, что США все еще придерживаются дуалистической концепции в вопросе о соотношении международного и внутригосударственного права, хотя и движутся к монизму.

В отличие от США юридическая система Великобритании развивалась в течение нескольких столетий почти одновременно со

²⁷ Newman F., Weissbrodt D. Op. cit. P. 660.

²⁸ Ibid. P. 661—662.

²⁹ Ibid. P. 594—618.

³⁰ Ibid. P. 596—612.

становлением и развитием международного права. Поэтому здесь международное обычное право было воспринято как часть внутригосударственного. Однако в Великобритании обычное право часто модифицируется парламентом, а английские суды сами определяют, является ли данное правило обычной нормой международного права.

Международное право действует в стране только в том случае, если оно воспринято внутригосударственным правом, и лишь тогда суды применяют его на практике. Более того, в Великобритании, как известно, нет конституции, и парламент остается высшим законодателем. Он может принять закон, противоречащий международному праву, и исполнительная власть, так же как и суд, будет применять его, а не нормы международного права³¹. Международные договоры в этой стране не рассматриваются как часть национального права, и для их осуществления требуется соответствующая имплементация³².

В США, Великобритании и ряде других западных стран дуализм часто сочетается с монизмом. Это относится даже к таким государствам, как Франция, Испания, Нидерланды, конституции которых формально провозглашают примат международного права. Исключение из этого общего положения составляет лишь право Европейского Союза, согласно которому это право действует непосредственно на территории стран — членов Союза и там имеет преимущественную силу по отношению к внутригосударственному законодательству³³.

Во многих странах международные договоры рассматриваются как являющиеся неотъемлемой частью правовой системы источника права. На них, как и на внутригосударственные законы, ссылаются суды, вынося свое решение. Так, в 1986 г. суды Нидерландов в своих решениях только на положения Пакта о гражданских и политических правах делали ссылки 58 раз³⁴. Любой законодательный акт в стране, вступившей в противоречие с тем или иным положением Пакта, является неприменимым и подлежит пересмотру. Признавая примат международного права над национальным законом, Нидерланды, как и другие государства, тем не менее не распространяют это верховенство на положения своих конституций. Такой подход справедлив для подавляющего большинства стран.

Конституция РСФСР, как и ранее действовавшие Конституции СССР, обладала высшей юридической силой на территории страны и имела приоритет над международными обязательствами страны. Как уже отмечалось, в соответствии с формулировкой ст. 32 Конституции признавался лишь приоритет общепризнанных международных норм, относящихся к правам человека,

³¹ *Henkin L. Op cit* P 98—104

³² *Shaw M. International law* Cambridge, 1986 P 109—111.

³³ *Ibid.* P 111

³⁴ Генеральная Ассамблея. Комитет по правам человека. Сорок четвертая сессия. Доп. 40/A/44/40/ Нью-Йорк, 1989

над законами Российской Федерации, а не над Основным законом страны.

Анализ Конституции РСФСР 1978 г. и особенно Закона РСФСР о Конституционном суде России от 6 мая 1991 г. однозначно свидетельствует о том, что на территории России международный закон не имел преимущественной силы над Конституцией. В компетенцию Конституционного Суда РСФСР входило, в частности, рассмотрение дел о конституционности международных договоров, если обнаружилась неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли они в целом или в их отдельных частях Конституции РСФСР (ст. 58 Закона о Конституционном Суде).

«С момента вступления в силу постановления Конституционного Суда РСФСР о признании международного договора или его отдельной части неконституционными договор или его отдельная часть не могут быть ратифицированы, официально опубликованы, обнародованы или введены в действие, а будучи ратифицированными или введенными в действие после вступления в силу постановления Конституционного Суда РСФСР, считаются недействующими. Утрачивают силу также полностью или частично решения о ратификации и введении в действие международного договора, принятые после вступления в силу постановления Конституционного Суда РСФСР о признании неконституционными международного договора и его части» (п. 1 ст. 65). Решения судов и иных правоприменительных органов, основанные на международных договорах, признанных неконституционными, не подлежали исполнению (п. 3 ст. 65). Более того, Конституционный Суд РСФСР мог распространить действие своего постановления о признании международного договора неконституционным на прошлое время, хотя и не более чем на три года (п. 5 ст. 65). При этом юридическая сила решения Конституционного Суда РСФСР о признании международного договора или его отдельной части неконституционными не могла быть преодолена повторным заключением или ратификацией этого международного договора (п. 6 ст. 65).

После своего образования, за период с января 1992 г. по июнь 1993 г., Конституционный Суд рассмотрел 23 дела, из них 15 — по ходатайству о проверке нормативных актов и 8 — по индивидуальным жалобам. Однако суд за этот период не рассмотрел ни одного дела о конституционности международных договоров.

Новая Конституция России, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., признавая приоритет международного права над внутригосударственным законодательством, не распространяет это верховенство на Основной закон страны. Конституция страны четко и ясно формулирует положение о том, что она «имеет высшую юридическую силу... на всей территории Российской Федерации» (п. 1 ст. 15). На наш взгляд, для устранения любых противоречивых толкований следовало бы сделать в Конституции страны специальную оговорку о том, что заключение международных договоров, противоречащих Конституции, не до-

пускается и подписание и ратификация таких договоров производится только после пересмотра Конституции в установленном порядке.

Российские суды, решая споры по конкретным делам, как правило, не применяют нормы международного права. Небольшое число решений, выносимых судами на основе международных норм по вопросам международных перевозок или оказания правовой помощи по гражданским, семейным или уголовным делам, в соответствии с заключенными договорами с другими странами скорее подтверждают это правило, чем отрицают его.

Некоторые международные нормы применяются судами в России только для регулирования лишь тех областей отношений, в которых содержится так называемый иностранный элемент. Законодательство РСФСР во многом восприняло практику бывшего Союза. В ряде законодательных актов СССР содержались так называемые отсылочные нормы, санкционирующие применение норм международного права в отношениях между субъектами внутригосударственного права. Так, ст. 129 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик устанавливала, что «если международным договором СССР установлены иные правила, чем те, которые содержатся в советском гражданском законодательстве, то применяются правила международного договора». Подобные отсылочные нормы содержатся и во многих законодательных актах России. В качестве примера можно привести ст. 37 Патентного закона РСФСР от 1992 г., которая гласит: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые содержатся в настоящем Законе, то применяются правила международного договора».

Суды РСФСР фактически не применяли нормы международного права, хотя в исключительных случаях для обоснования своих решений делали ссылки на международные договоры. Единственным исключением в этом отношении явилась практика Конституционного Суда РСФСР, который в ряде своих решений исходил не только из Конституции страны, но и из международных документов в области прав человека.

Формирование в России правового государства, а также опыт и практика регулирования вопроса о соотношении международного и внутригосударственного права требуют принципиально нового подхода к этим вопросам. Тем более при их решении нужно учитывать тот факт, что Советский Союз обычно ратифицировал международные договоры по правам человека лишь формально, используя их в идеологической борьбе. Так, в 1973 г. СССР первым из всех великих держав ратифицировал оба Пакта о правах человека, заявив, что закрепленные в них основные права и свободы давно осуществлены в стране. Однако вплоть до распада СССР в 1991 г. многие из этих прав и свобод так и не были предоставлены советским гражданам, а законодательство страны не приводилось в соответствие с международными нормами.

Сейчас, когда решается вопрос о вступлении России в Совет Европы, необходимо привести в соответствие с европейскими стандартами законодательство страны, многие положения которого не соответствуют общепризнанным международным нормам. Это утверждение справедливо в отношении не только законов, принятых бывшим Верховным Советом СССР, но и текущего законодательства, принимаемого высшими органами государственной власти Российской Федерации.

В Конституции России, на наш взгляд, надо иметь статью о том, что закон о ратификации международного договора парламентом страны принимается только после внесения соответствующих изменений в законодательство Российской Федерации.

Эффективность включенного в новую Конституцию России положения о примате международного права над внутригосударственным станет реальной только в том случае, если в стране будет создан государственно-правовой механизм его реализации. Споры, возникающие в правоприменительной практике относительно соответствия внутригосударственного закона нормам международного права, должны рассматриваться как Конституционным Судом России, так и обычными судами всех уровней. Положение об этом должно быть записано в Конституции. Как известно, в нашем государстве различными министерствами и ведомствами ежегодно издаются сотни нормативных актов, в той или иной степени затрагивающих права и интересы российских граждан. Все эти ведомственные нормативные акты должны проходить тщательную правовую экспертизу и приобретать обязательную силу только после констатации факта их соответствия не только законодательству страны, но и нормам международного права.

Наконец, нельзя исключить того, что какой-либо международный договор, ратифицированный Россией, будет признавать те или иные права человека в меньшем масштабе, чем они закреплены в законодательстве страны. Поэтому в Конституции РСФСР должно содержаться положение, запрещающее органам государственной власти и управления ограничивать или урезать какие-либо права и свободы российских граждан под тем предлогом, что в международном соглашении они не признаются или закреплены в меньшем объеме.

2. Влияние внутригосударственного права на становление и развитие в международном праве принципов и норм, касающихся прав человека

Нормы и принципы международного права разрабатываются и создаются государствами договорным или обычным путем в процессе их борьбы и сотрудничества на внешнеполитической арене, согласования позиций и достижения компромиссов по обсуждаемым вопросам. В международных отношениях участвуют государства с различным социальным строем, уровнем экономического развития, характером государственной власти, классовый

и национальной структурой, историческими традициями. Все эти факторы в той или иной степени влияют не только на формирование внутреннего права, но и на развитие межгосударственных отношений. При этом на процесс создания принципов и норм международного права непосредственное, а иногда и решающее влияние оказывает право государств. Участники международных отношений не могут, как правило, пойти на согласование и принятие таких норм, которые противоречили бы их конституциям и другим основополагающим законодательным актам, закрепляющим принципы их экономического и политического строя, права и свободы граждан.

В ряде случаев на международно-правовую позицию государства определяющее воздействие могут оказать и другие факторы. Их значение и степень влияния не всегда поддаются однозначной оценке. Географическое положение страны, например, на первый взгляд не имеет непосредственного отношения к формированию внешнеполитической позиции государства. Однако его принадлежность к тому или иному региону может в ряде случаев оказать решающее влияние в этом плане. В процессе создания принципов и норм, относящихся к морскому праву, интересы и позиции государств-архипелагов и государств, не имеющих выхода к морю, практически всегда противоположны, даже если они имеют однотипную социально-экономическую систему.

В процессе создания норм международного права обычно происходят столкновение различных точек зрения, поиски взаимоприемлемых решений и компромиссов. Соотношение сил на том или ином международном форуме, мастерство дипломатов и другие изменяющиеся факторы, иногда даже психологические, влияют на создание норм международного права. Эти нормы в конечном счете фиксируют общую позицию государств по обсуждаемым вопросам, которая достигается обычно путем компромиссов.

Иногда государства выступают против принятия тех или иных норм международного права, но затем по ряду причин (победа на выборах оппозиционной партии, избрание нового президента или премьер-министра и т. д.) изменяют свою первоначальную позицию и соглашаются на неприемлемые ранее для них положения разрабатываемых международных соглашений.

Влияние внутригосударственного права на международное право определяется тем, что в конституциях и других основополагающих законодательных актах государства закрепляются основы его политической и экономической системы, принципы и основные направления внешнеполитической деятельности, компетенция высших органов государственной власти и управления, национально-государственное и территориальное устройство, права и свободы человека и гражданина.

Право в концентрированном виде отражает политический и экономический курс государства. Именно поэтому внутреннее право во многом определяет позицию государства на внешнеполитической арене и соответственно развитие международного

права. При создании принципов и норм международного права государства обычно не могут согласиться с международными обязательствами, противоречащими основам их права, хотя в ряде случаев ратификация того или иного международного договора влечет за собой необходимость изменения определенных норм не только внутреннего права, но и конституции страны.

Влияние законодательства государства на международно-правовую позицию особенно сильно в правовом государстве, которое со всей ответственностью подходит к своим международным обязательствам и обычно сначала приводит свое законодательство в соответствие с тем или иным международным договором и только затем ратифицирует его. Противоположный подход, а именно ратификация международного договора, противоречащего внутригосударственному законодательству, а затем последующее приведение его в течение многих лет в соответствие с взятыми на себя международными обязательствами, характерен, как правило, для антидемократических и тоталитарных государств.

Формы влияния внутригосударственного законодательства на международное право многообразны. Здесь и влияние на создание новых принципов и норм, и расширение сферы действия, и совершенствование и углубление их содержания. Изменение и развитие внутреннего права может привести к устранению из международного права устаревших институтов и норм, не отвечающих данному этапу развития межгосударственных отношений. Международное право в процессе своего развития постоянно находится под «давлением» норм внутригосударственного права. Зачастую в законодательстве различных государств провозглашаются новые принципы и нормы, а затем в течение длительного времени они закрепляются в международном праве путем разработки и принятия соответствующих международно-правовых договоренностей. Значительно реже этот процесс носит не договорный, а обычный характер. Именно таким образом складывались «общие принципы права», о которых говорится в ст. 38 Статута Международного суда.

Многие ученые-международники до сих пор разделяют точку зрения Г. И. Тункина о том, что «не может существовать нормативных правовых принципов... которые были бы общи международному праву и национальным системам права»³⁵. Отвергая концепцию «общих принципов права», Г. И. Тункин исходил из классового характера права и невозможности существования нормативных правовых принципов, которые были бы общими для социалистического и буржуазного права.

В действительности же в законодательстве многих стран закреплены принципы и нормы, признаваемые всем международным сообществом. Это «общие принципы права», как внутригосударственного, так и международного. Обычно сначала такие принципы и нормы складываются в праве государства (адекват-

³⁵ Тункин Г. И. Теория международного права С 227.

ная компенсация за национализированную собственность иностранцев, равенство всех перед законом, закон не имеет обратной силы и др.), а затем становятся принципами общего международного права. Во многих государствах, особенно в тех, которые возникли после крушения колониализма, такие принципы закрепляются в законе государства уже после их появления в международном праве. Подавляющее большинство принципов и норм, относящихся к правам человека, в настоящее время являются общими как для внутригосударственного, так и для международного права.

Как уже отмечалось, на становление и развитие новых принципов и норм международного права влияют различные факторы, а не только законы того или иного государства. Многие нормы международного права не имеют аналогов во внутригосударственном законодательстве. Они разрабатываются и формулируются на международных форумах исходя из определенных интересов государств-участников. Таким образом создавались многие нормы, относящиеся к разоружению, космическому, морскому праву и другим отраслям международного права.

Воздействие внутригосударственного права на развитие различных отраслей права неоднородно. Особенно сильное влияние оказывается на создание принципов и норм международного права, относящихся к правам человека. Здесь ярко проявляется «первичность» законодательства государств. Практически все международные нормы по правам человека, закрепляющие перечень основных прав и свобод, были заимствованы из права государств. Это заимствование происходит в сложной и напряженной дипломатической борьбе. Уже в процессе разработки и принятия Устава ООН выявился различный подход государств к проблеме прав и свобод человека. Первоначально в предварительных предложениях относительно создания всеобщей международной организации по поддержанию международного мира и безопасности, принятых на Конференции в Думбартон-Оксе в сентябре 1944 г., не содержалось указания на поощрение и развитие уважения к правам и свободам человека как на одну из главных целей создаваемой организации. В п. 3 гл. 1 предварительных соглашений, явившихся основой для принятия Конференцией в Сан-Франциско в 1945 г. Устава ООН, в качестве цели Организации указывалось на «осуществление международного сотрудничества в разрешении международных экономических, социальных и других гуманитарных проблем»³⁶.

Окончательная формулировка этой статьи, принятая на Конференции в Сан-Франциско, явилась результатом компромисса между делегациями США, СССР, Великобритании и Китая. Советский Союз, исходя из идеологических соображений и положений Конституции СССР 1936 г., настаивал на включении в Устав ООН перечня ряда основных прав и свобод, включая право на

³⁶ Цит. по: Крылов С. Б. Указ. соч. С. 43.

труд и образование. Делегации ряда западных стран считали, что перечень основных прав и свобод человека, обязательных для всех государств — членов ООН, должен быть разработан позднее и включен в специальный документ — Хартию прав человека. В то же время многие не могли согласиться на включение в Устав ООН ссылок на социально-экономические права, поскольку такие права не были закреплены в их законодательстве.

В результате достигнутого компромисса советская делегация на Конференции в Сан-Франциско от имени четырех великих держав (СССР, США, Великобритании, Китая) предложила поправку к п. 3 ст. 1 Устава, согласно которой перед Организацией ставилась цель «осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в *поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии*» (подчеркнута поправка. — В. К.)³⁷.

Позиция СССР в ООН по вопросам прав и свобод человека определялась не только Конституцией и основными законодательными актами страны, но и идеологическими соображениями, а также так называемым классовым подходом к решению обсуждаемых проблем. Советский Союз стремился продемонстрировать преимущества социалистического строя, предостеречь развивающиеся страны от капиталистического пути развития, убедить все народы мира, что только социализм в состоянии обеспечить основные права и свободы человека, привести международное сообщество к миру и прогрессу.

Позиция западных стран также во многом определялась идеологическими соображениями, хотя они и не играли доминирующей роли. Особенно четко разногласия между государствами, принадлежащими к различным социально-экономическим системам, выявились при разработке Всеобщей декларации прав человека и Пактов о правах человека³⁸.

Советский Союз выступал против признания естественного характера прав человека, принадлежащих каждому от природы, с момента рождения, против того, что задача государства состоит в защите этих естественных прав и недопущении их нарушения. В то время подход СССР носил позитивистский характер. Он состоял в признании того, что свои права каждый человек получает исключительно от государства, которое по своему усмотрению закрепляет их в законодательстве.

Всеобщая декларация признала естественный характер прав человека и в первой же статье, автором которой был известный французский ученый Рене Кассен, провозгласила, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и в своих правах». Они равны с момента рождения, а дальнейшее положение

³⁷ Там же. С. 112

³⁸ См.: Мовчан А. П. Международная защита прав человека. М., 1958 С. 41—145; Островский Я. А. ООН и права человека. М., 1968. С. 40—122

ние человека в обществе и конкретная реализация прав во многом зависят от его способностей и труда.

Естественные права и свободы должны быть предоставлены каждому, независимо от того, где и в каком государстве он проживает. Они не могут определяться исключительно государством. Конкретный перечень этих прав был закреплен во Всеобщей декларации, а затем и в Пактах о правах человека. В результате обычной и договорной практики государств они стали обязательными для всех, и каждое государство мира обязано закрепить эти права в своем законодательстве.

Позиция западных держав опиралась на Французскую декларацию прав человека и гражданина 1789 г., Конституцию США 1787 г. и другие законодательные акты, провозгласившие естественный характер прав человека. Эти документы содержали в основном перечень гражданских и политических прав. Советский Союз исходил из Конституции СССР 1936 г. и других своих законов, закрепивших не только гражданские и политические, но и социально-экономические права, а также содержащих гарантии их осуществления.

Выступая на Генеральной Ассамблее ООН 9 и 10 декабря 1948 г., накануне принятия Всеобщей декларации прав человека, глава советской делегации А. Я. Вышинский неоднократно ссылался на Конституцию СССР 1936 г. и настаивал на включении в представленный проект документа широкого перечня этих прав, а также статей, посвященных вопросу о праве каждого народа и каждой нации на самоопределение, о равенстве прав каждого народа и каждой национальности в пределах государства³⁹.

Первоначально ООН приняла решение о разработке единого Пакта о правах человека, охватывающего широкий круг основных прав и свобод⁴⁰. На своей пятой сессии в 1951 г. Генеральная Ассамблея, рассмотрев первые 18 статей Пакта, содержащих только гражданские и политические права, приняла резолюцию 421 (V), в которой постановила «включить в Пакт о правах человека права экономические, социальные и права в области культуры». Генеральная Ассамблея особо подчеркнула, что гражданские, политические и социально-экономические права тесно связаны между собой и что индивид, лишенный каких-либо прав, «не является более той личностью, которую Всеобщая декларация рассматривает в качестве идеала свободного человека».

Однако США настаивали на том, чтобы Пакт был ограничен исключительно гражданскими и политическими правами. «США, — отмечал видный американский государственный деятель Джеймс Грин, — трудно будет принять договор, содержащий экономические, социальные и культурные права, поскольку они выходят за рамки прав, содержащихся в Конституции Соеди-

³⁹ См.: Вышинский А. Я. Указ. соч. С. 367—390.

⁴⁰ См., например, резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 217 E(III) от 10 декабря 1948 г.

ненных Штатов Америки»⁴¹. США при поддержке ряда других делегаций удалось добиться того, что Генеральная Ассамблея в 1952 г. пересмотрела свое решение и приняла резолюцию о подготовке двух пактов о правах человека — Пакта о гражданских и политических правах и Пакта об экономических, социальных и культурных правах⁴².

Формулировки отдельных статей обоих Пактов, принятых в 1966 г., во многом напоминают положения конституций различных стран, в том числе Основного закона СССР 1936 г. И в этом нет ничего удивительного. Формулируя свои предложения, вносимые на рассмотрение ООН, многие государства фактически перефразировали положения своих законодательных актов.

Не случайно поэтому при обсуждении как Всеобщей декларации прав человека, так и Пактов о правах человека возникали значительные расхождения и противоречия в позициях государств. Так, отвергая предложения западных стран, глава советской делегации на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН А. Я. Вышинский заявил: «Все эти фразы и формулы эпохи Французской революции, эпохи американской революции и английской революции XVII века сейчас уже поблекли, потому что живая жизнь показала, что за этими звонкими формулировками скрывается жестокая действительность, разрушающая фетиши и иллюзии»⁴³.

США, опираясь на свою Конституцию, пытались не допустить распространения обсуждаемых документов на всю территорию федеративного государства. Они исходили из того, что федеративное государство не может гарантировать осуществление прав и свобод, закрепленных в пактах, на территории всех ее составных частей. Однако большинством голосов членов ООН в ст. 28 Пакта об экономических, социальных и культурных правах и в ст. 50 Пакта о гражданских и политических правах были включены аналогичные положения о том, что Пакты «распространяются на все части федеративных государств без каких-либо ограничений и изъятий». Принимая такое решение, государства исходили из универсальности основных прав и свобод человека и одинакового объема обязательств, которые должны брать на себя государства, независимо от того, являются они федеративными или унитарными.

При обсуждении вопроса о праве каждого человека на собственность проявился кардинально различный подход государств, принадлежащих к различным общественным системам, к его решению. Советский Союз и другие социалистические страны выступили против ст. 17 Всеобщей декларации прав человека, провозгласившей право каждого «владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими». Они считали, что эта статья фактически признает право на частную собственность, которая, по их

⁴¹ *Green J. F. The United Nations and Human Rights* Wash., 1956 P 40

⁴² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 543 (VI) от 5 февраля 1952 г.

⁴³ Вышинский А. Я. Указ. соч. С. 370.

мнению, является основой эксплуатации и несовместима со свободой и равенством людей.

В связи с резким сопротивлением социалистических стран из Пактов о правах человека вообще было изъято какое-либо упоминание о праве каждого владеть собственностью и о запрещении насильственного и произвольного лишения этого права⁴⁴.

Значительные разногласия возникли и при обсуждении вопроса об имплементации Пакта о гражданских и политических правах. Советский Союз, опираясь на свое законодательство, которое отрицало естественный характер прав человека и международную правосубъектность индивида и абсолютизировало государственный суверенитет, выступил против предоставления права отдельным лицам направлять жалобы на нарушения их прав в международный орган по правам человека⁴⁵. Позицию СССР поддержали развивающиеся страны, и этот вопрос был вынесен в отдельный Факультативный протокол к Пакту о гражданских и политических правах.

В 1991 г., т. е. накануне своего распада, Советский Союз ратифицировал этот факультативный протокол. Россия, как правопреемница СССР, взяла на себя обязательство соблюдать все международные договоры бывшего Союза. Конституция Российской Федерации 1993 г. признала естественный характер прав человека, закрепив положение о том, что «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (п. 2 ст. 17). Конституция закрепила также право каждого «в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» (п. 3 ст. 46).

В процессе разработки Всеобщей декларации прав человека и Пактов о правах человека Советский Союз и другие социалистические страны исходили из классового характера прав и свобод человека, ставя их в центре идеологической борьбы с Западом. В этих международных документах говорится о таких категориях, как «свобода», «справедливость», «принципы справедливости», «политический, экономический и социальный прогресс», «равноправие и равенство» и т. д. Они являются основой законодательства любого общества, даже такого, которое на практике отвергает их.

Советский Союз считал, что нет свободы вообще, так же как и равенства и демократии вообще. «Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, — писал В. И. Ленин, — то ясно, что нельзя говорить о чистой демократии, пока существуют различные классы, а можно говорить только о классовой демократии»⁴⁶. Для Советского Союза признание частной собствен-

⁴⁴ Official Records of the General Assembly Tenth Session. Annexes. Agenda item 28. Part II. Chap. VIII. P. 195—212.

⁴⁵ *Lauterpact H.* Op. cit. P. 296—304.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 251.

ности означало эксплуатацию и отрицание свободы и равенства. Именно В. И. Ленин называл ложью и лицемерием буржуазного общества провозглашение свободы и равенства и одновременное увековечение частной собственности на средства производства⁴⁷. Высшее проявление свободы, подчеркивалось в Программе КПСС, — это «освобождение человека от эксплуатации. В этом прежде всего подлинная социальная справедливость»⁴⁸. Основоположники марксизма считали, что классовый характер имеют не только гражданские и политические, но и социально-экономические и культурные права. По вопросу об образовании, например, В. И. Ленин писал, что школа не может быть вне политики. Цель образования в капиталистическом мире, подчеркивал В. И. Ленин, сводится к тому, чтобы «натаскивать для буржуазии покорных и расторопных слуг, исполнителей воли... капитала»⁴⁹.

Несмотря на принципиально различную оценку и трактовку важнейших социально-политических категорий, государства — члены ООН приняли как Всеобщую декларацию прав человека, так и Пакты о правах человека. Каким же образом им удалось достигнуть согласия по этим вопросам? При разработке и принятии норм по правам человека государства с различными общественными системами сознательно не уточняли содержания многих обсуждаемых понятий и не давали им классовых определений. Они исходили из того, что существуют взаимоприемлемые оценки таких понятий, как «демократия», «права и свободы человека», «социальный прогресс» и другие, подчеркивающие наиболее общие черты этих категорий. Обсуждаемые понятия трактовались с различных позиций, однако в их определение вкладывался и общедемократический и общечеловеческий смысл, приемлемый для всех. В то же время в законодательстве государств эти понятия странами — участниками международного сообщества трактовались с иных позиций.

Запад считал и считает, например, что социальный прогресс, права и свободы человека можно обеспечить лишь на путях рыночной экономики, ее развития и укрепления. Советский Союз исходил из того, что социальный прогресс и демократия могут быть достигнуты в результате ликвидации капиталистического общества и построения социализма и коммунизма. В то же время, заключая международные соглашения по правам человека, страны с различными общественными системами признавали, что основные права и свободы могут быть обеспечены путем развития социального прогресса в рамках существующего строя. Во многих случаях договаривающиеся стороны исходили из возможности различного толкования конкретного содержания и способов осуществления ряда прав и свобод человека.

⁴⁷ См.: Там же. Т. 41. С. 425—427.

⁴⁸ XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стеногр. отчет. М., 1962. Т. 3. С. 238.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 431

Различные, а зачастую и прямо противоположные позиции Запада и социалистических стран при обсуждении Всеобщей декларации прав человека и Пактов о правах человека привели к тому, что многие статьи этих документов носят лишь общий характер и не имеют точных и конкретных границ. Лишь в последние годы началась конкретизация многих норм по правам человека, которая особенно активно проходит в рамках ОБСЕ. Страны с рыночной экономикой, в которых происходит сближение политических и экономических систем, значительно легче согласовывают и конкретизируют свои позиции по правам человека.

Новая Конституция России, признавая идеологическое многообразие и частную собственность, в значительной степени опирается на опыт стран с рыночной экономикой и воспринимает их лучшие достижения. Поэтому в процессе согласования принципов и норм, относящихся к правам человека и происходящих в рамках ОБСЕ, достигаются такие договоренности, которые ранее были невозможны. Это относится и к проблемам собственности, существования многопартийной системы, проведения действительно равных и всеобщих выборов и ко многим другим общечеловеческим атрибутам демократии.

Сближение политических и экономических систем различных стран, широкое использование бывшими социалистическими странами законодательного опыта Запада облегчают процесс согласования международных норм по правам человека, их конкретизацию и практическое осуществление. Идеологическая борьба и классовый подход заменяются поиском общечеловеческих ценностей, новых форм и методов международной защиты прав человека.

3. Воздействие международного права на закрепление в законодательстве государств основных прав и свобод человека

Международное и национальное право, будучи самостоятельными правовыми системами, хотя и тесно связанными между собой, оказывают различное влияние друг на друга. Внутригосударственное право, закон или иной правовой акт любого государства никогда не может быть непосредственным источником международного права.

Специфика развития международного права состоит в том, что его нормы создаются путем согласования позиций различных государств. Ни одно государство, независимо от его влияния в мире, не может самостоятельно создать нормы международного права или навязать свое законодательство международному сообществу.

Иное воздействие на законы различных государств оказывает международное право. Это влияние в процессе развития межгосударственных отношений не остается неизменным. Если на первых этапах развития международное право косвенно воздействовало на законодательство государств — участников международ-

ного сообщества, то в настоящее время международный договор и международный обычай стали непосредственными источниками внутригосударственного права.

Утверждение ряда юристов-международников о том, что международный договор или обычай не может быть непосредственным источником внутригосударственного права⁵⁰, справедливо для старого международного права, но не для второй половины XX в. Для реализации норм современного международного права их трансформация в право государств не всегда необходима. Многие положения международных договоров не требуют предварительной инкорпорации и являются самоисполнимыми, для других нужна их последующая трансформация. В официальном толковании, например, Закона США о международных отношениях говорится, что «суды в Соединенных Штатах обязаны применять международное право и международные соглашения Соединенных Штатов за исключением несамоисполнимых договоров...»⁵¹.

Во многих странах международные договоры провозглашаются интегральной частью внутригосударственного права или ее высшими законами (ст. 6 Конституции США, ст. 28 Конституции Греции 1976 г., ст. 96 Конституции Испании 1978 г.) либо объявляются имеющими приоритет над нормами внутригосударственных законов (ст. 55 Конституции Франции 1958 г., ст. 94 Конституции Нидерландов 1983 г., ст. 15 Конституции Российской Федерации 1993 г.). В судебной практике многих стран используются не только международные договоры, но и обычные нормы в качестве источников права, на них делаются ссылки при решении конкретных споров. Эти страны рассматривают международное обычное право как часть своего права. Еще в 1900 г. Верховный суд США в часто цитируемом на Западе решении, известном как «Пакет Хабана», заявил, что в тех случаях, когда нет соответствующих международных договоров или законодательных актов, судебные решения должны выноситься на основании обычного международного права⁵².

Этой практики широко придерживаются в США, Великобритании и ряде других стран⁵³.

Конституция РСФСР 1978 г. с изменениями, принятыми в 1992 г., признала, как уже отмечалось, в качестве источника права только общепризнанные нормы международного права, относящиеся к правам человека, которые, согласно этому документу, непосредственно порождают права и обязанности российских граждан (ст. 32). Новая Конституция 1993 г. идет значительно дальше в этом отношении, провозгласив все общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России составной частью ее правовой системы (п. 4 ст. 15).

⁵⁰ См., напр.: Курс международного права В 7 т. Т. 1. С. 292.

⁵¹ *Carter B., Trimble Ph. International Law*. Boston, 1991. P. 149.

⁵² *Ibid.* P. 227.

⁵³ *Shaw M. Op cit* P 97—113

Отраслевое же законодательство России уже в течение многих лет формально признает международное право источником внутреннего права и его приоритет над внутренними законами, хотя российские суды очень редко применяют его на практике⁵⁴.

Воздействие международного права на различные отрасли внутригосударственного права неоднородно. Оно не очень значительно, например, в отношении земельного или предпринимательского права, однако трудно переоценить влияние на законодательство государств международно-правовых принципов и норм, относящихся к правам человека.

Особенно показательна в этом отношении Всеобщая декларация прав человека. Принятая в 1948 г. в качестве «стандарта, к достижению которого должны стремиться все народы и все государства», она сегодня является одним из основных источников права, служит моделью, которая широко используется многими странами для разработки отдельных положений конституций, различных законов и документов, относящихся к правам человека.

Как подчеркивается в одном из исследований, «не менее чем 90 национальных конституций, принятых после 1948 г., содержат перечень фундаментальных прав, которые или воспроизводят положения Декларации, или включены в них под ее влиянием»⁵⁵.

В таких странах, как Бельгия, Нидерланды, Индия, Италия, США, Шри-Ланка, положения Декларации широко используются для толкования внутригосударственных законов, относящихся к правам человека. На них постоянно ссылаются суды этих стран. В ряде постановлений Конституционного Суда России содержатся ссылки на Всеобщую декларацию прав человека в обоснование вынесенных решений.

Большинство государств рассматривают Декларацию как документ, содержащий обычные нормы международного права, подавляющее большинство которых стали «*jus cogens*». Такое понимание Декларации особенно важно в связи с тем, что ряд стран (Китай, Куба, Индонезия, Пакистан, Саудовская Аравия и др.) не являются участниками ни Пакта о гражданских и политических правах, ни Пакта об экономических, социальных и культурных правах. Они обязаны руководствоваться положениями Всеобщей декларации прав человека.

Конвенционные органы, созданные на основании международных соглашений по правам человека, при рассмотрении докладов государств о ходе имплементации ратифицированных ими договоров выносят многочисленные рекомендации о необходимости принятия странами-участницами тех или иных законодательных мер. На основании этих рекомендаций государства принимают конкретные законодательные акты и приводят свое законодательство в соответствие со взятыми на себя международными обязатель-

⁵⁴ См. гл. III настоящей работы

⁵⁵ *Jayawickrama N. Hong Kong and the International Protection of Human Rights//Human Rights in Hong Kong, 1992. P 160.*

ствами. Даже те из них, которые не предпринимают никаких законодательных мер, в своих докладах в конвенционные органы пытаются приукрасить состояние дел в этой области и показать, что законы страны соответствуют международным нормам. Именно так действовал Советский Союз после ратификации Пактов о правах человека и многих других международных соглашений. Лишь после распада СССР в России и других странах СНГ стали приниматься меры для приведения законодательства в соответствие с международными соглашениями по правам человека.

Характерно, что конвенционные органы, рассматривая жалобы отдельных лиц, в своих рекомендациях соответствующим государствам ссылаются на нарушение ими не своего законодательства, а конкретных статей международных соглашений. Тем самым эти органы рассматривают соответствующие международные соглашения в качестве непосредственных источников права, имеющих приоритет над внутригосударственным законом. Такое понимание разделяется и многими государствами — членами ООН. Так, в одном из докладов Норвегии Комитету по правам человека о принятых ею мерах по претворению в жизнь прав, признаваемых в Пакте о гражданских и политических правах, отмечалось, что этот международный договор «действительно является соответствующим источником права, имеющим важное значение в толковании и применении норм норвежского права»⁵⁶.

Особенно возросло влияние международно-правовых актов на законодательство России. Принятая Верховным Советом России 22 ноября 1991 г. Декларация прав и свобод человека и гражданина вобрала в себя многие положения Всеобщей декларации прав человека и Пактов о правах человека. Декларация была включена в Конституцию РСФСР в апреле 1992 г. Предыдущие законы, вносившие изменения и дополнения в Основной закон Российской Федерации в 1988—1991 гг., практически не затрагивали прав и свобод человека, гарантий их защиты и реализации. Распад СССР и ликвидация тоталитарного режима, переход к рыночной экономике привели к принципиальным изменениям в Конституции РСФСР, в особенности раздела «Государство и личность». Хотя текст Декларации прав и свобод человека и гражданина не был включен в Конституцию 1993 г., многие ее положения были реконструированы и коренным образом изменены под влиянием Декларации и основополагающих международных документов.

Обновленный в Конституции статус личности порывает с прежними представлениями о том, что человека правами и свободами наделяет государство. Основной закон страны базируется на признании естественного характера прав и свобод человека, принадлежащих ему от рождения. Расширился перечень прав и свобод, изменилось их качественное содержание. Как уже отмеча-

⁵⁶ Генеральная Ассамблея. Комитет по правам человека. Сорок четвертая сессия. Доп. 40/A/44/40/.

лось, впервые введено правило о приоритете международных норм перед законами Российской Федерации. При этом особенно принципиальное значение имеет положение о том, что они являются частью правовой системы Российской Федерации. Ряд статей Конституции в значительной степени воспроизводят положения Всеобщей декларации прав человека и Пактов о правах человека. Это в особенности касается положений, которые лишь недавно признаны в Основном законе страны (право на жизнь, право на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства, право свободно выезжать за пределы страны и беспрепятственно возвращаться и др.).

Степень влияния международного права на законодательство государства во многом зависит от его внутренней и внешней политики и в значительной степени определяется ратификацией основных международных соглашений. Чем больше международных договоров ратифицировано государством, тем значительнее воздействие международного права на внутреннее законодательство. Однако это не всегда непосредственная зависимость. В истории международных отношений, как уже говорилось, нередко наблюдались случаи, когда то или иное государство формально ратифицировало международные соглашения, но не предпринимало мер для их реализации.

Влияние международного права на внутреннее право состоит прежде всего в том, что в законодательстве государства появляются новые принципы и нормы, которых раньше в нем не было. Они закрепляются, конкретизируются, уточняются исходя из международных обязательств, взятых на себя тем или иным государством.

Влияние международного права на законодательство государств, как уже отмечалось, может происходить и опосредственно. Зачастую государства не ратифицируют определенные международные соглашения, однако постепенно приводят свое законодательство в соответствие с их положениями. Только после этого они официально берут на себя международные обязательства. Здесь надо иметь в виду и тот факт, что многие нормы, закрепленные в международном праве договорным или обычным путем, приобретают характер «*jus cogens*» и потому обязательны для всех государств независимо от ратификации тех или иных соглашений.

Под влиянием заключенных в послевоенное время международных договоров по правам человека кардинально изменилось законодательство многих государств, в нем появились новые принципы и нормы. Этот процесс особенно активно проходит в России и других бывших социалистических странах. За последние годы в нашей стране принимаются ежегодно сотни законов. Их проекты, как правило, разрабатываются и рассматриваются с точки зрения соответствия международным стандартам, хотя этот процесс и не всегда приводит к позитивным результатам.

После ратификации того или иного договора каждое государство само решает вопрос о том, каким образом приводить свое законодательство в соответствие со взятыми международными обязательствами. Международное право не требует здесь какого-либо единообразия. Выбор методов и форм обеспечения международных обязательств относится к компетенции государств. Вступивший в силу международный договор является обязательным как для государств-участников, так и для тех, кто впоследствии присоединится к этому договору. Актом ратификации или присоединения государство признает обязательность для себя принципов и норм вошедшего в силу международного договора. Способ приведения в действие норм международного права во внутригосударственной сфере является делом каждого государства.

В ряде стран (США, Испания, Франция, Германия) международные договоры, получившие государственное-правовое признание, автоматически становятся составной частью внутреннего права. В них основные законы содержат положение о том, что международные договоры являются частью права страны. Статья 96 Конституции Испании, например, закрепила положение о том, что «законно заключенные и официально опубликованные в Испании международные договоры составляют часть ее внутреннего законодательства». Такие отсылочные нормы, содержащиеся и в конституциях ряда других стран, не являются достаточными для исполнения положений многих международных договоров. Не случайно в большинстве стран мира трансформация норм международного договора во внутригосударственное право происходит путем принятия специальных законов и ряда иных нормативных актов.

Специфика ряда международных соглашений, особенно в области прав человека, состоит в том, что для их претворения в жизнь недостаточно объявить тот или иной договор частью внутригосударственного права. Многие такие статьи международных соглашений сами по себе не обладают самоисполнимой силой. Единственный путь их выполнения — издание соответствующего законодательного акта, а не ссылка на Основной закон или действующие нормы права.

Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации налагает, например, на государства-участников обязательство объявить караемым по закону преступлением распространение идей, основанных на расовом превосходстве, а также установить уголовную ответственность за участие в расистских организациях (ст. 4).

Простая отсылка к конституции государства, которое провозглашает международное право частью внутреннего права или верховенство международных договоров над внутригосударственным законодательством, автоматически не повлечет за собой выполнения данного положения Конвенции. Этого можно достигнуть лишь путем принятия соответствующего закона. Он должен предусматривать объявление распространения расовых идей преступ-

лением и устанавливать конкретную уголовную ответственность за участие в расистских организациях.

Среди российских ученых нет единого мнения по поводу необходимости трансформации международных норм во внутригосударственное право. Одни ученые считают трансформацию излишней⁵⁷, другие — необходимой во всех случаях⁵⁸. В действительности, как было показано выше, этот процесс значительно сложнее и необходимость трансформации того или иного международного договора или только части его зависит от многих факторов.

Специфика многих международных норм, регулирующих основные права и свободы человека, состоит также в том, что для их реализации и практического претворения в жизнь недостаточно лишь формально согласовать позиции государств и даже закрепить определенный комплекс прав в их законодательстве. Практическая ценность такого законодательного закрепления основных прав и свобод означает лишь возможность пользоваться этими правами. Но только при наличии определенных условий такая возможность может превратиться в действительность. Например, за право на достаточный жизненный уровень и непрерывное улучшение условий жизни, закрепленное в Пакте об экономических, социальных и культурных правах, выступают на словах практически все страны. Однако обеспечивается это право не исключительно законодательными положениями, а главным образом экономической системой и социально-экономической политикой государства. Недостаточный уровень экономического развития и нехватка средств также препятствуют осуществлению как этого права, так и многих других социально-экономических прав. Поэтому многие страны, в особенности развивающиеся, вынуждены устанавливать приоритеты в предоставлении и обеспечении тех или иных прав. Однако и высокий экономический уровень, и развитая правовая система не являются гарантией соблюдения прав человека. Для этого, как уже отмечалось, необходима прежде всего соответствующая социально-экономическая политика государства.

Конституция Российской Федерации 1993 г., провозгласившая практически весь комплекс прав и свобод человека, содержащихся во Всеобщей декларации и Пактах, имеет в этом отношении лишь одно исключение. В Основном законе страны не закреплено право каждого на достаточный жизненный уровень (включая достаточное питание, одежду и жилище), провозглашенное в ст. 11 Пакта об экономических, социальных и культурных правах. Однако это право в значительной степени вытекает из положений Конституции, закрепивших такие права, как право на вознаграждение за труд не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда и право на защиту от безрабо-

⁵⁷ См.: Блищенко И. П. Указ. соч. С. 190—215.

⁵⁸ См.: Левин Д. Б. Проблемы соотношения международного и внутригосударственного права//Сов. государство и право. 1964. № 7. С. 92—93; Черниченко С. В. Личность и международное право. С. 41—55.

тицы (ст. 37), право на жилище (ст. 40) и др. Более того, Конституция, как уже отмечалось, признает права и свободы в соответствии не только с Основным законом, но и с общепризнанными принципами и нормами международного права. Поэтому Россия должна соблюдать все права и свободы, закрепленные во Всеобщей декларации и Пактах о правах человека.

В условиях, когда Россия и другие страны бывшего СССР переходят к рынку, который сопровождается приватизацией и денационализацией, предпринимаются попытки переложить на частный сектор основное бремя по осуществлению социальных и экономических прав. Зачастую даже ставится вопрос о том, должно ли государство брать на себя защиту социально-экономических и культурных прав и гарантировать их обеспечение. В связи с этим следует особо отметить, что ни одно государство не имеет права отказаться от взятых на себя международных обязательств по обеспечению основных социально-экономических и культурных прав своих граждан и переложить эти обязанности на частный сектор.

Если реализация ряда гражданских и политических прав требует конкретных действий в основном от каждого индивида в отдельности, то социально-экономические права могут быть осуществлены главным образом путем проведения государством определенной и целенаправленной политики. Однако это возможно, как правило, в демократических странах, где народ контролирует процесс управления и участвует в нем. Поэтому единственно приемлемым для России является такой общественный строй, который сочетает рыночную экономику и либеральную демократию с широкой гарантированностью основных социально-экономических и культурных прав.

* * *

Как уже отмечалось, позиции различных государств мира в вопросе о соотношении международного и внутригосударственного права не отличаются однообразием. Однако не всегда корректно спорить о примате международного или внутригосударственного права. В международных отношениях примат безраздельно принадлежит международному праву, и ни одно государство мира не может строить нормальные и цивилизованные отношения на международной арене только на основе своего внутреннего права.

Что же касается соотношения международного права и внутреннего права того или иного государства, то этот вопрос решается иначе. Здесь многое, но не все, зависит от позиции государства⁵⁹. Каждое государство, естественно, само принимает решение о ратификации определенных международных договоров и тем

⁵⁹ Нельзя согласиться с мнением тех юристов-международников, которые считают, что вопрос о соотношении международного права и внутригосударственного решается исключительно самим государством. См., напр.: Мюллерсон Р. Соотношение международного и национального права. С. 126—127.

самым берет на себя конкретные международные обязательства, от выполнения которых оно не имеет права отказаться.

В то же время все большее число принципов и норм международного права принимает характер «*jus cogens*», т. е. обязательных для всех государств. Такие нормы содержатся, например, в Уставе ООН или во Всеобщей декларации прав человека. Они обязательны для всех, в том числе и для государств, не являющихся членами ООН. Примат таких норм над законами государства не зависит от его позиции. Более того, современное международное право объявляет массовые нарушения многих прав и свобод человека международными преступлениями. Лица, виновные в таких преступлениях, независимо от норм внутреннего права, несут международную уголовную ответственность.

Несмотря на различие позиций государств в вопросе о соотношении международного и внутригосударственного права, международное право постепенно становится универсальным, а его принципы и нормы — обязательными для всех государств — участников международного сообщества.

Глава II. РАЗВИТИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

1. Принципы и нормы в области прав человека

Принципы и нормы в области прав человека стали разрабатываться и закрепляться в международном праве сравнительно недавно. Даже в начале XX в. взаимоотношения между государством и его гражданами рассматривались как его внутреннее дело. Старое, традиционное международное право не регулировало вопросы прав и свобод человека. Исключение составляло лишь право на гуманитарную интервенцию, которое исходило из правомерности применения силы вплоть до развязывания военных действий государством в одностороннем порядке для защиты жизни и имущества своих граждан, находящихся на территории другого государства. Более того, ряд ученых-международников того времени считали, что любое государство имеет право на интервенцию для защиты прав и свобод человека, где бы они ни нарушались¹.

Лишь после образования Лиги Наций заключаются первые международные соглашения, в которых в той или иной степени регулируются некоторые вопросы обеспечения прав человека.

¹ *Farer T. An Inquiry into the Legitimacy of Humanitarian Intervention//Law and Force in the New International Order* Boulder, 1991 P 185—201; *Kartashkin V. Human Rights and Humanitarian Intervention//Ibid* P 202—211